

Сегодня: 1996. - 12 июля - с. 10

Если не произойдет революция в архитектуре

Премьера оперы Рихарда Вагнера «Золото Рейна» в Хельсинки

Петербург

Анна Булычева

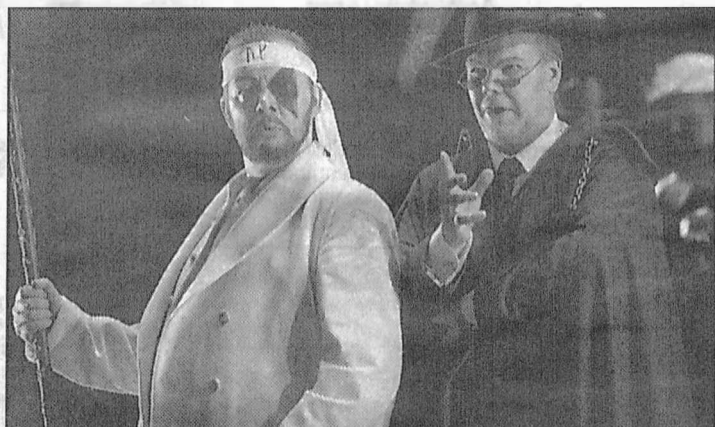
В

Финской национальной опере положено начало работе над вагнеровской тетралогией, которая должна завершиться в 2000 году. Постановка осуществлена дирижером Лейфом Сегерстамом, режиссером Гепом Фридрихом и сценографом Готфридом Пильцем.

Глазам предстает чудо финских строительных технологий. Между двумя подъемными краями возникает Вальгалла, сияющий пятизвездочный отель из стекла — жилище, достойное богов. Пространство сцены все время преобразуется. Блестящий покатый пол легко меняет угол наклона. Временами по нему можно свободно ходить, временами — только скользить, как это делают дочери Рейна и голышницы за ними Альберих. Планист сцены подымается и опускается то целиком, то частями, одняжды обнявая в трюме Нибельгйм — огромное современное производство, где предупреждающе горит многочисленные надписи DANGER и куда посетители спускаются на лифте. Великаны-строители в касках и блестящих скафандрах увенчаны электронными инструментами, экипировку дополняют бур и геодезическая линейка.

Постановка явно устремлена в 2000 год, внимательство современной режиссуры и сценографии кажется глубоко органичным. Оно не ограничивается лишь внешним слоем. Столь мощное присутствие в спектакле современности позволяет взглянуть на древнюю историю, рассказанную в «Кольце», со стороны. Немало остроумного обещает эта удобная позиция посетителя Оперы.

В этом современном, таком удобном мире боги — гости, недаром Вальгалла по своей архитектуре напоминает отель. Почему они попали сюда из прошлого и какой ценой будет оплачен комфорт — эти загадки Геца Фридриха, может быть, разъяснятся к 2000 году. А пока — старомодные белые одея-

ЮККА РАСТИЛАЙНЕН (ВОТАН) И ЙОРМА СИЛЬВАСТИ (ЛОГЕ)

ния богов, весьма критично оцениваемое Вотаном колье, комичные бездельники Фро и Доннер, один в костюме Пьеро, другой, видимо, в ланландском платье, с боксерской перчаткой на правой руке, которой, оказывается, в торжественных случаях возможно прогнать продолжительные раскаты грома. Наконец, вместо шестия в Вальгаллу — мезуэт, который боги, пользуясь трехлопным размером музыки, затевают после церемонных поклонов. А сцена тем временем медленно поднимается вверх, и здесь техника приходит на помощь беспомощным.

Современна, к сожалению, не только техника. Современна и реально кольцо, поллиный символ власти. Оно приобрело ныне облик кастета, Альберих лишается его вместе с кистью руки, отчего его проклятие звучит с удвоенной силой.

Каждая роль в спектакле решена предельно конкретно социально. Значимо все — от костюма Альбериха до деталей мимики Фафнира. Абстракты лишь находящиеся в прошлом боги, зато узнаваемы представители «настоящего времени». Среди них выделяется Логе — посредник между двумя временами. На костюме делового человека (в свободное от общения с остальными богами время Логе, возможно, адвокат) брошен красный мефистофельский плащ. Красный галстук и очки с красными стеклами дополняют цветовую гамму. Альберих появ-

ляется в картузе, сапогах и грязном пиджаке, а позднее в смокинге, при галстук, с цветком в петлице и в тех же сапогах...

Но несправедливо так долго молчать о музыкальной стороне — то, как финские музыканты интерпретируют Вагнера, тоже заслуживает внимания. Лейф Сегерстам достиг идеального баланса солистов и оркестра. Звучание оркестра было максимально выгодным для голосов, поддерживающим, но не подавляющим. Технические погрешности в оркестре (возникшие не по вине дирижера) были более многочисленными, чем хотелось бы, но не портили впечатление от стилистически точного, органичного исполнения.

Среди солистов лидировали (как певцы и актеры) Йорма Сильвасти — Логе и Эса Руутту — Альберих. На общем ровном уровне выделялись также Ритва-Лииза Корхонен — Волганда, Раймо Лаукка — Доннер и Арильд Хеллеланд — Миме. На уровне актерской игры явно сказалась ясность задач, поставленных режиссером. Как следствие — осмысленность каждого жеста.

Спектакль Финской национальной оперы обладает запасом прочности — равным образом в отношении идей и их воплощения. Если что-то в нем и устареет к 2000 году, то только в маловероятном случае стремительной революции в архитектуре, которая превратит современное но вчерашнее.